

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ДОМОЙ

Ольга Карпович

Моя чужая
жена

Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К26

Художественное оформление серии
А. Старикова

Карпович, Ольга.

К26 **Моя чужая жена : [роман] / Ольга Карпович. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (Возвращение домой. Романы Ольги Карпович).**

ISBN 978-5-699-83186-9

Аля вышла за Никиту замуж, хотя любила его отца, знаменитого советского режиссера. Ситуация осложнилась еще и тем, что отец и сын оказались соперниками не только в любви, но и в профессиональном деле. Этим троим не ужиться вместе, но и друг без друга они тоже не могут.

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Карпович О., 2015
© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-83186-9

* * *

— Ой, а я вас, кажется, знаю. Вы случайно не артист? Где же я вас могла видеть?.. Ой нет, нет, не говорите, я сама вспомню! В «Ловушке смерти»? Или в «Пыли столетий»? Нет, не то... Ну надо же, из головы вылетело.

Объемистая румяная проводница напряженно вглядывалась в мое лицо, хлопая лазоревыми веками и морща широкий лоб. Я досадливо помотал головой, буркнул: «Вы ошиблись», — и протиснулся мимо ее пышного, обтянутого синим форменным пиджаком бюста в коридор вагона. Однако отделаться от удалой железнодорожной киноманки было не так-то легко. Я шел к своему купе, она же семенила за мной, возбужденно приговаривая: «Обслужим, обслужим по первому разряду», суля какие-то немислимые яства — балычок, водочку, свежую икорку непременно. Наконец мне удалось нырнуть в щель своего двухместного купе и скрыться за оклеенной светло-коричневым пластиком дверью. Волоокая проводница сдалась не сразу, а продолжала еще некоторое время неуклюже топтаться в коридоре и бормотать:

— «Нечаянная встреча»? «Разлуке вопреки»?
Эх, голова-то садовая, а...

Я бросил взгляд в прикрученное к двери тусклое зеркало, уныло оглядел собственную хмурю физиономию с накрепко пришитой гримасой божемной отстраненности и сказал отражению:

— Не зарастет народная тропа к тебе, Спилберг местного разлива.

Затем снял плащ, повесил его на крючок, сунул под полку небольшой чемодан и с силой потянул вниз ручку окна. Купе сразу же наполнилось звуками вокзала. Застучали каблучки по платформе, зашаркали колесики багажных сумок... «Уважаемые пассажиры, скорый поезд номер сто сорок четыре отправляется с третьего пути», — гнусаво возвестил голос диспетчера, и взревел паровоз. Запахло дымом, масляной смазкой, потянуло жареными беляшами из вокзального буфета. Прошли мимо окна, взрываясь хохотом, две раскрашенные девахи, протопал нагруженный чемоданами отец семейства, заспешил куда-то вокзальный служащий в форменной фуражке. Слабое осеннее солнце уже уползло за здание вокзала, сгущались сумерки, начинал накрапывать дождь.

Я сел на аккуратно застеленную полку и сдвинул в сторону занавеску, чтобы предаться любимому занятию — наблюдению за людьми. Что может быть увлекательнее, чем подслушивать, подглядывать, оставаясь при этом невидимым. Обрывки диалогов, сценки, жесты... И все мало-мальски необычные эпизоды отщелкиваются на пленку памя-

ти и покоятся там до поры до времени, для того чтобы быть потом, при случае, отображенными на киноленте и... забытыми сразу после премьеры.

В окно вплыли нестройные, разбитые звуки аккордеона. Я заметил бредущего по перрону старика в старом обвисшем пиджаке с протертыми локтями. Этот жалкий музыкант, задевая орденские планки, растягивал мехи аккордеона, который, хрипя и фальшивя, выдавал старинное танго «Счастье мое, ты всегда и повсюду со мной...».

Неожиданно мне вспомнился отец. Вот он в ванной комнате нашей старой дачи бреется перед зеркалом — щеки в мыльной пене, играют мускулы загорелой широкой спины. Стоит и напевает себе под нос: «Ты всегда и повсюду со мной...» И мать — еще молодая, с темной косой вокруг головы, с удивительно яркими, живыми глазами, еще не затуманенными болезнью, помутившей ее рассудок. Мать идет мимо по коридору со стопкой выглаженного белья, останавливается и с глупой счастливой улыбкой смотрит на отца снизу вверх влюбленно и преданно. У влюбленных женщин вид всегда немного глуповат. Если любовь взаимна — это выглядит трогательно, если же нет — жалко и унижительно. Мать глядит в спину отцу, он оборачивается и спрашивает: «Тебе чего, Тонюша, вода нужна?» И она, смутившись, прячет глаза и поспешно уходит по коридору.

Я извлек из бумажника купюру, высунул ее в окно и протянул деньги старику. Тот поднял на меня глубоко запавшие водянисто-голубые глаза,

несколько секунд вглядывался в мое лицо, затем с королевским величием принял бумажку, сунул в карман пиджака и зашаркал дальше по перрону. Аккордеон продолжал с хрипом повествовать об обретенном счастье.

Я посмотрел на часы — поезд должен был скоро отправиться — и вытащил из бокового кармана сумки книжку, купленную перед отъездом: Аль Брюно — какой-то нашумевший французский автор, недавний лауреат «Золотого пера», о котором, захлебываясь восторгом, кричали в последний месяц все журналы с претензией на интеллектуальность. И моя бессменная редакторша давно уже насаждала на меня с этой книгой, чтобы я рассмотрел ее на предмет постановки. Что ж, придется посвятить ночь в дороге чтению очередной сводящей скулы зауми. На обложке романа, словно в насмешку, нарисована была кинокамера.

«Ну, мать твою, и тут!» Я совсем приуныл.

В кармане пиджака завибрировал мобильный телефон. На экране высветился незнакомый номер. Какая-то бойкая журналистка, величая меня по имени-отчеству, непременно хотела услышать, что я могу сказать о только что завершившемся кинофестивале. Не нахожу ли я, что жюри необъективно? А как насчет зрителей?

— Послушайте, я сейчас не готов отвечать на ваши вопросы. Обратитесь к моему пресс-секретарю. Всего доброго, — оборвал я ее и раздраженно нажал отбой.

Интересно, как они умудряются добывать номера телефонов знаменитостей? Я лично обещал смертную казнь за разглашение этой строго секретной информации. И вот на тебе.

До отправления поезда оставалось минуты три, и я успел уже порадоваться, что поеду, видимо, один, как вдруг дверь купе с шумом отодвинулась и на пороге появилась девчонка, совсем юная — лет двадцати, — черноглазая, с коротким ежиком темных волос. Из-за отворота ее замшевого пиджака выглядывала мордочка щенка немецкой овчарки. Щенок явно жаждал свободы, рвался из-под пиджака всеми лапами, бешено сверкая на меня круглым блестящим глазом. Моя попутчица, одной рукой удерживая звереныша, другой пыталась впихнуть под полку небольшую сумку.

— Давайте помогу, — предложил я и протянул руку к щенку.

Тот ловко вывернулся и тыпнул меня за палец.

— Ух, какой, — усмехнулся я. — Как же тебя зовут, зверь?

— Тим его зовут, — с готовностью отозвалась девушка. — А я Софи, Софья.

Я тоже назвал себя. К счастью, моя фамилия была ей незнакома.

Девушка расположилась на соседней полке, устроила щенка в гнездышке из подушек и охотно принялась рассказывать мне, кто она, откуда и куда направляется. Догадка моя подтвердилась, моя попутчица действительно жила во

Франции, правда, мать ее по происхождению была русская, эмигрировала из СССР много лет назад. Мне пришлось выслушать довольно запутанную историю о редакторе какого-то парижского журнала, где Софи работала внештатником («я там есть корреспондент»), который проводил какой-то конкурс, и вот Софи оказалась лучше всех, и ее направили в Питер на рок-фестиваль, и там некий юный музыкант, разумеется, настолько пленился ею, что подарил ей вот этого щенка в залог нержавеющей первой любви. Рассказывая, девушка строила милые гримаски, закатывала глаза, откидывала голову и поглядывала из-под ресниц, проверяя, произвели ли на меня должное впечатление ее чары. Забавно было наблюдать за этой начинающей сердце-едкой, только недавно, видимо, научившейся женским приемам и теперь применяющей их без разбора ко всем особям мужского пола, не исключая даже не первой свежести кинорежиссеров.

— А мамá мне говорит: «Куда ты поедешь? Ты этой страны не знаешь. Там тебе не здесь, ограбят, изнасилуют...» — бойко продолжала свою повесть Софи.

— Но вы, разумеется, ее не послушались и решили, что разберетесь со всем сами, — вставил я.

— Да. А как вы догадались, вы волшебник? — Софи распахнула черные глаза, пытаясь изобразить милую непосредственность. Это получилось у нее довольно успешно, лишь на миг блеснул в

темной глубине хитрый озорной огонек и тут же спрятался.

— Помилуйте, Софья, кто же в вашем возрасте слушает родителей, — доброжелательно подколот ее я.

— Но вы не знаете мой мамán, — заявила моя попутчица со свойственным юности апломбом. — Она отправилась в Россию за мной. Но ее в Москве задержали дела, и в Питере я оказалась одна.

— Знаете, Софи, вот вы сказали о матери... Вы очень напомнили мне меня в юности. О, как я спорил со своим отцом, как пытался ему доказать свою правоту и не желал его слушать, и все мне казалось, что он пытается вылепить из меня усовершенствованную копию себя самого. Папа у меня был, надо признаться, человек известный... классик советского кинематографа, знаете ли, Софья... Сейчас о многом хотелось бы его спросить, да поздно уже...

Кажется, выступление мое получилось не слишком удачным. Софи чуть оттопырила нижнюю губу и, пожимая плечами, принялась горячо рассуждать о том, что оглядываться назад бессмысленно, что жить нужно здесь и сейчас. Я, признаться, плохо слушал, уже досадуя на себя, что зачем-то ни к месту разоткровенничался.

Я посмотрел в окно. Уже стемнело, едва виднелись пронесившиеся мимо деревни, полуоблетевшие деревья, голые поля. На стекле поблескивали тонкие штрихи дождя. Дальнейший разговор с Софьей вдруг представился мне настолько

обыденным, неинтересным, будто я был знаком с ней уже не первый год, и ничего нового она поведать мне не могла. Дождавшись, когда девушка умолкнет, я потянулся к книжке.

— С вашего позволения я, милая Софья, прочитаю немного, — улыбнулся я, открывая книгу.

Софи бросила быстрый взгляд на обложку, хмыкнула и насмешливо подняла бровь.

— О, я знакома с этим автором. Очень популярен сейчас. А по мне, так пустая болтовня и скука, — категорично заявила Софи. — А как вам, нравится?

— Пока не знаю, — пожал плечами я и перевернул первую страницу.

и несколько минут подержала в ладонях, с улыбкой вглядываясь в изображение.

С фотографии смотрели молодой черноглазый красавец в летней рубашке с коротким рукавом, круглолицая улыбающаяся женщина с замысловато уложенными волосами и недовольный пятилетний мальчик в бескозырке, надвинутой на непослушные кудри.

Никитушка...

Как же, как же, сама сшила тогда ему бескозырку, уж так мечтал милый стать бесстрашным моряком, особенно после того, как посмотрел отцовский фильм о крейсере «Варяг». Ну и сшила ему матросский костюмчик, дура деревенская, еще и приговаривала:

— Морячок ты мой золотой!

И вот ведь что вышло. Поехали они летом в Гурзуф: и Дмитрий Владимирович, и Антониночка Петровна, и Никита маленький. Никита в первый же день бескозырку нацепил, расхаживает, красуется, а отец ему:

— Какой же ты моряк, если плавать не умеешь. Сегодня учиться будем.

Забросил ребенка в воду да и отпустил — выплывай, мол, как знаешь. Никитушка, конечно, захлебнулся, забарахтался, Антонина Петровна подбежала, вытащила его на руках из моря. Мальчик в слезы, а Дмитрий Владимирович ему:

— Что ты за мужик, чего разревелся?

И Антонине Петровне досталось.

— Сделала, — говорит, — из него мамкиного сынка, так и будет всю жизнь за твою юбку держаться.

Ох, лучше уж не вспоминать...

Глаша повесила фотографию на место, полюбовалась еще немного, склонив голову к плечу.

«Что и говорить, Дмитрий-то Владимирович уж такой красавец был в молодости, да и сейчас почти не изменился. Еще и покрасивше будет молодцев этих холеных, которых в фильмах своих снимает. И Никитушка в отца пошел, мальчик-картинка: широкоплечий, улыбчивый, на актера этого французского похож, как бишь его, Дина Рида, вот. Только лучше еще, лицо добрее. Эх, а Тонюшка-то сдала, конечно, сдала... Болезнь эта проклятая! Вот ведь беда!»

Глаша прошла к секретеру, стряхнула пыль с хрустальной пепельницы, сорвала страничку с отрывного календаря — 15 июля 1973 года.

Из кухни запахло подгорающим тестом, и Глаша бросилась к духовке. Женщина вытащила противень с румяными пирожками и накрыла их чистым полотенцем, чтобы не зачерствели. Ведь Никитушка сегодня приезжает, он любит с вишней. Как же можно не расстараться к приезду мальчика, целый год ведь в отъезде, домашней еды не видел.

Глаша взглянула на часы. Стрелка подползала к девяти. Домработница живо влезла на приземи-